

Съезда народных депутатов СССР, и тогда, когда встречался с теми, кто что-то сделал для него — дурное или хорошее, не имело значения. Он был предельно искренен и естествен во всех своих поступках, в любой ситуации оставаясь самим собой. Отсюда необычайная сила его воздействия на людей. Отсюда — громадность его личности, оказавшейся сильнее всех «обстоятельств времени».

Сахаров — перевернул наши представления о власти именно потому, что не боялся ее. А не боялся он потому, что никогда не думал о себе. Он отдал всего себя другим. Он растворился во всех нас.

В неблагополучном обществе — обществе лжи, зла и насилия — Андрей Дмитриевич не мог быть благополучен сам. И закономерной была его «тайная вечеря» — то печальной памяти заседание Съезда народных депутатов, на котором злые силы накинулись на великого человека и в конечном счете стали причиной его преждевременной кончины.

Все в его жизни было удивительно закономерно, а сам он явился выразителем оставшейся честной части России.

ОБ ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТИ

Об этом слове — интеллигентность, интеллигенция — много спорят. Думаю, что нельзя сводить дело к каким-то внешним признакам. Начиная с XVIII и ранее XVII в., утвердилось противопоставление человеческой культуры природе. Века эти создали миф о «естественном человеке», близком природе и потому не только не испорченном, но и не образованном. Открыто или скрытно естественным состоянием человека считалось невежество. И это не только глубоко ошибочно, это убеждение повлекло за собой представление о том, что всякое проявление культуры и цивилизации неорганично, способно испортить человека, а потому надо возвращаться к природе и стыдиться своей цивилизованности.

Это противопоставление человеческой культуры как якобы «противоестественного» явления «естественной» природе особенно утвердилось после Ж.-Ж. Руссо и сказалось в России в особых формах развившегося здесь в XIX в. своеобразного руссоизма: в народничестве, толстовских взглядах на «естественного человека» — крестьянина, противопоставляемого «образованному сословию», просто интеллигенции.

Хождение в народ в буквальном и переносном смысле привело в некоторой части нашего общества в XIX и XX вв. ко многим заблуждениям в отношении интеллигенции. Появились и выражение «гнилая интеллигенция», презрение к интеллигенции, якобы слабой и нерешительной. Создалось и неправильное представление об «интеллигенте» Гамлете, как о человеке постоянно колеблющемся и нерешительном. А Гамлет вовсе не слаб: он преисполнен чувства ответственности, он колеблется не по слабости, а потому что мыслит, потому что нравственно отвечает за свои поступки.

Врут про Гамлета, что он нерешителен.

Он решителен, груб и умен.

Но, когда клинок занесен,

Гамлет медлит быть разрушителем

И глядит в перископ времен.

Не помедлив, стреляют злодеи

В сердце Лермонтова или Пушкина...

*(Из стихотворения Д. Самойлова
«Оправдание Гамлета»)*

Образованность и интеллектуальное развитие — это как раз суть естественные состояния человека.

Однако образованность нельзя смешивать с интеллигентностью.

Образованность живет старым содержанием, интеллигентность — созданием нового и осознанием старого как нового.

Больше того... Лишите человека всех его знаний, образованности, лишите его самой памяти, но если при всем

этом он сохранит восприимчивость к интеллектуальным ценностям, любовь к приобретению знаний, интерес к истории, вкус в искусстве, уважение к культуре прошлого и настоящего, навыки воспитанного человека, ответственность в решении нравственных вопросов и богатство и точность своего языка — разговорного и письменного — вот это и будет интеллигентность.

Конечно, образованность нельзя смешивать с интеллигентностью, но для интеллигентности человека огромное значение имеет именно образованность. Чем интеллигентнее человек, тем больше его тяга к образованности. И вот тут обращает на себя внимание одна важная особенность образованности: чем больше знаний у человека, тем легче ему приобретать новые. Новые знания легко «укладываются» в запас старых, запоминаются, находят себе свое место.

Приведу первые пришедшие на память примеры. В двадцатые годы я был знаком с художницей Ксенией Половцовой. Меня поражали ее знакомства со многими известными людьми начала века. Я знал, что Половцовой были богачами, но если бы я чуть больше был знаком с историей этой семьи, с феноменальной историей ее богатств, — сколько интересного и важного я мог бы от нее узнать. У меня была бы готовая «упаковка», чтобы узнавать и запоминать.

Или пример того же времени. В 20-е гг. у нас хранилась библиотека редчайших книг, принадлежавших И. И. Ионову. Я об этом как-то писал. Сколько новых знаний о книгах я мог бы приобрести, если бы в те времена я знал о книгах хотя бы немного больше.

Чем больше знает человек, тем легче он приобретает новые знания.

Думают, что знания толкуются и круг знаний ограничен какими-то объемами памяти. Совсем напротив: чем больше знаний у человека, тем легче приобретаются новые.

Способность к приобретению знаний — это тоже интеллигентность.

Интеллигентность создается в возрасте от 3 до 16—17 лет. Потом из неинтеллигентного человека сделать

интеллигентного уже невозможно. Интеллигентность — это не просто образование и сумма знаний — все это может быть и у неинтеллигентного человека. Это способность к приобретению знаний и к пониманию другого человека и другой культуры.

Самое главное, что должно сейчас находиться в центре нашего внимания, — средняя школа.

Когда-то на I съезде народных депутатов я говорил о музеях, архивах и библиотеках как о трех столпах, на которых стоит культура. И теперь я не отрекаюсь от своих слов. Музеи, архивы и библиотеки остаются во главе угла, но основанием, действенным началом для них служит средняя школа. Высшее образование дает знания, но не интеллигентность. Оно для недостаточно развитого человека даже опасно — как и высокое положение в обществе. Все наши усилия должны быть направлены на подъем среднего образования — это наше будущее. Иначе русский народ погибнет. Необходимо изменить цели среднего образования, всю его концепцию. Концепция должна состоять прежде всего в том, чтобы *воспитывать*, давать возможность свободно выбирать профессию. Если человек делает свой выбор слишком рано, он может ошибиться, заняться тем, что ему не по душе, и тогда он станет аморальным человеком: будет плохо относиться к своей специальности, искать для себя других выходов, и часто таким выходом оказывается преступность. Поэтому — уж если Бог наказал человека трудом, заставил его в поте лица зарабатывать хлеб свой — то мы должны сделать труд счастливым, а это может быть только тогда, когда труд соответствует человеческим наклонностям. Наша задача — узнать их как можно раньше, но не слишком рано. Поэтому я против ранней дифференциации обучения в школе, кроме музыки. Наша система музыкального образования лучше западной: у них начинают учить только с девяти лет, а у нас с семи, и это огромное преимущество. Не обязательно всех учить играть на фортепиано, иногда достаточно бывает хорового пения. Хоровое пение — это воспитательное начало, первое, что формирует коллективное сознание.

Но самыми важными предметами я считаю историю и литературу. Помню, когда я учился в школе, мы год занимались Пушкиным, а Лермонтова не проходили совсем, но когда стали читать его сами, мы все поняли. У нас был замечательный преподаватель. Вообще преподаватель литературы, как в старые времена, должен быть властителем дум своих учеников.

Вопрос о культуре — самый больной вопрос политики, вопрос самого конкретного будущего. Если люди будут уходить из школы недоучившись, куда они уйдут? В бандиты? В бомжи? Во что превратится наша больная нация?

Посмотрите, что происходит! Военные не знали, где находится в Грозном музей (а ведь там было очень много картин русских художников — Васнецова и других), и музей, естественно, уничтожен вместе с центром города.

Сгорел дом Набокова в Рождествено. Несколько лет назад в Институте культуры сгорел отдел редкой книги, в Университете на историческом факультете тоже сгорел отдел редкой книги; сгорела ценнейшая часть библиотеки Академии наук; был залит горячей водой подвал, принадлежавший Публичной библиотеке, — погибли уникальные ноты XVIII в. — об этом даже газеты не сообщили. Мы просто дикари, папуасы.

А люди должны жить с достоинством. Достоинство — это уважение к семье, к самому себе, это опрятность, это наша одежда, одежда нашего города. Не выработается у людей достоинства в грязи — в этом случае человек не уважает сам себя. И существование человека как определенной ценности — уничтожается. Надо, наконец, научиться просто мыть первые этажи. Я прошел по Вознесенскому проспекту — там всюду выломаны двери, дверные ручки, а ведь как раз за дверную ручку мы здороваемся с домом. Вознесенский был когда-то чистым, нарядным — второй Невский.

Надо штрафовать магазины, в которых не моют стекла. В Чехии даже в деревнях каждый день парикмахеры в белых халатах метут улицу перед своей парикмахерской, — и то же происходит перед каждым магазином, перед каж-

дой лавочкой. Я говорил об этом Собчаку, он отдал какое-то распоряжение, но потом забыл. Сейчас весна, надо мыть окна, хотя бы в первых этажах, мимо которых ходят люди, — это же интерьер города.

Мы должны следить за языком. Ужасно, что слово «патриот» стало у нас бранным словом.

Если человек любит семью, он семьянин, если любит родину — патриот. Это неплохо, но это не значит, что он считает свою семью лучше и богаче всех и враждебно относится к другим семьям. Язык страдает и оттого, что у нас появилась мода на неприличные выражения. Это не добавление новых слов, как думают некоторые, это уничтожение десятков других слов. мода бывает на самые разные слова, вот, например, слово «всплеск» — всплеск того, всплеск другого. Это слово вытеснило в пассивный запас из активного другие слова, а ведь их было множество, потом само погибло. Язык беднеет. Мы любим иностранные слова, но часто не знаем их значения; мы путаем слова «факт» и «фактор», употребляем слово «эпицентр» вместо «гипоцентр» и т. д. В первую очередь за этим надо следить работникам телевидения. Язык телевидения становится языком нации.

«АЛЛЕИ ДРЕВНИХ ЛИП...»

Екатерининский парк в городе Пушкине дорог всем, кто не только любит красоту старых парков, но кто любит русскую поэзию. И именно этим, русской поэзией, он единственный и неповторимый. Сюда, в Екатерининский парк, приезжают не разыскивать следы регулярного парка середины XVIII века, а с томиками стихов Державина, Жуковского, Пушкина, Тютчева, Аннинского, Ахматовой и многих, многих других. «Город муз» — так называли Царское Село и так называют сейчас нынешний город Пушкин.